

ХІ. ГОСУДАРСТВО И ЛИЧНОСТЬ ¹

I

Государство даже в настоящее время вызывает иногда ужас и содрогание. В представлении многих государство является каким-то безжалостным деспотом, который давит и губит людей. Государство — это то чудовище, тот зверь Левиафан, как его прозвал Гоббс, который поглощает людей целиком, без остатка ^{19*}. «Государством называется, — говорит Ницше, — самое холодное из всех холонокровных чудовищ. Оно также холонокровно лжет, и эта ложь, как пресмыкающееся, ползет из его уст: “Я — государство, я — народ”». «Но посмотрите, братья, — продолжает он, — туда, где прекращается государство! Разве вы не

¹ В этом очерке теоретически развиты те идеи, которые были высказаны автором в статье «Государство правовое и социалистическое», напечатанной в «Вопросах философии и психологии», кн. 85.

видите радуги и моста к сверхчеловеку?»^{20*} Наш Лев Толстой менее образно и более конкретно описательно выражал свое глубокое отвращение к государству; в государстве он видел только организованное и монополизированное насилие^{21*}.

Действительно, государство, прибегая к смертным казням, делает то, от чего стынет кровь в жилах человека: оно планомерно и методически совершает убийства. Государство, утверждают многие, — это организация экономически сильных и имущих для подавления и эксплуатации экономически слабых и неимущих. Государство — это несправедливые войны, ведущие к подчинению и порабощению слабых и небольших народностей великими и могучими нациями. Государство основывается всегда на силе, и ее оно ставит выше всего; являясь воплощением силы, оно требует от всех преклонения перед нею.

Впрочем, излишне перечислять все те стороны государственной жизни, которые придают государству насильственный характер и звериный облик. Они очень хорошо известны всем. Почти нет таких поступков, признаваемых людьми преступлением и грехом, которые государство не совершало бы когда-нибудь, утверждая за собой право их совершать.

Но действительно ли государство создано и существует для того, чтобы угнетать, мучить и эксплуатировать отдельную личность? Действительно ли перечисленные выше, столь знакомые нам черты государственной жизни являются существенным и неотъемлемым ее признаком? Мы должны самым решительным образом ответить отрицательно на эти вопросы. В самом деле, все культурное человечество живет в государственных единениях. Культурный человек и государство — это два понятия, взаимно дополняющие друг друга. Поэтому культурный человек даже немыслим без государства. И, конечно, люди создают, охраняют и защищают свои государства не для взаимного мучительства, угнетения и истребления. Иначе государства давно распались бы и прекратили бы свое существование. Из истории мы знаем, что государства, которые только угнетали своих подданных и причиняли им только страдания, действительно гибли. Их место занимали новые государства, более удовлетворяющие потребности своих подданных, т. е. более соответствовавшие самому существу и природе государства. Никогда государство не могло продолжительно существовать только насилием и угнетением. Правда, в жизни всех государств были периоды, когда, казалось, вся их деятельность сосредоточивалась на мучительстве по отношению к своим подданным. Но у жизнеспособных государств и у прогрессирующих народов эти периоды были всегда сравнительно кратковременны. Наступала эпоха реформ, и государство выходило на широкий путь осуществления своих настоящих задач и истинных целей.

В чем же, однако, настоящие задачи и истинные цели государства? *Они заключаются в осуществлении солидарных интересов людей.* При помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого и ценно всем людям. Государство само по себе есть пространственно самая обширная и внутренне наиболее всеобъемлющая форма вполне организованной солидарности между людьми. Вместе с тем, вступая в международное общение, оно ведет к созданию и выработке новых, еще более обширных и в будущем, может быть, наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности. Что сущность государства, действительно, в отстаивании солидарных интересов людей, это сказывается даже в отклонениях государства от его истинных целей. Даже наиболее жестокие формы государственного угнетения обыкновенно оправдываются соображениями о пользах и нуждах всего народа. *Общее благо* — вот формула, в которой кратко выражаются задачи и цели государства.

Способствуя росту солидарности между людьми, государство облагораживает и возвышает человека. Оно дает ему возможность развивать лучшие стороны своей природы и осуществлять идеальные цели. В облагораживающей и возвышающей человека роли и заключается истинная сущность и идеальная природа государства.

Вышеприведенным мнениям Гоббса, Ницше и Л. Толстого надо противопоставить мнения философов-идеалистов всех времен. Из них Платон и Аристотель считали главной целью государства гармонию общественных отношений и справедливость. Фихте признавал государство самым полным осуществлением человеческого «я», высшим эмпирическим проявлением человеческой личности^{22*}. Гегель видел в государстве наиболее совершенное воплощение мировой саморазвивающейся идеи. Для него государство есть «действительность нравственной идеи», и потому он называл его даже земным богом^{23*}.

Конечно, мнения Платона, Аристотеля, Фихте и Гегеля обнаруживают более вдумчивое, более проникновенное отношение к государству, чем мнения Гоббса, Ницше и Л. Толстого. Последние поспешили обобщить и возвести в сущность государства те ужасные явления насилия и жестокости со стороны государственной власти, в которых обыкновенно прорывается звериная часть природы человека. Зверя в человеке они олицетворили в виде зверя-государства. В этом олицетворении государства и проповеди борьбы с ним до его полного уничтожения более всего сказывается неверие в самого человека.

Наше понимание государства, утверждающее временный и преходящий характер государственного насилия и угнетения, покоится на нашей вере в человеческую личность. Личность с ее идеальными стремлениями и высшими целями не может мириться с тем, чтобы государство, долженствующее осуществлять солидарные интересы людей, занималось истреблением и уничтожением их. Углубляясь в себя и черпая из себя сознание творческой силы личности, не мирящейся с звериным образом государства-Левиафана, мы часто невольно являемся последователями великих философов-идеалистов. В нас снова рождаются, в нашем сознании снова возникают те великие истины, которые открылись им и которым они дали философское выражение. Часто в других понятиях, в других формулах мы повторяем их идеи, не будучи с ними знакомы в их исторической книжно-философской оболочке. Но в этом доказательство того, что здесь мы имеем дело не со случайными и временными верными замечаниями, а с непреходящими и вечными истинами.

Возвращаясь к двум противоположным взглядам на государство: на государство как на олицетворение силы и насилия в виде зверя Левиафана и на государство как на воплощение идеи, высшее проявление личности, или на государство как земного бога, мы должны указать на то, что эти два различных взгляда на государство соответствуют двум различным типам государств. Гоббс, рисуя свой образ государства-зверя, имел в виду абсолютно-монархическое или деспотическое государство. Неограниченность полномочий государственной власти и всецелое поглощение личности, осужденной на беспрекословное подчинение государству, и придают абсолютно-монархическому государству звериный вид. В противоположность Гоббсу, Фихте и Гегель подразумевали под государством исключительно правовое государство. Для них самое понятие государства вполне отождествлялось с понятием правового государства. Есть вполне эмпирическое основание того, что Фихте и Гегель, чтобы уразуметь истинную природу государства, обращали свои взоры прежде всего и исключительно на правовое государство. Правовое государство — это высшая форма государственного бытия, кото-

рую выработало человечество как реальный факт. В идеале утверждаются и постулируются более высокие формы государственности, например, социально справедливое или социалистическое государство. Но социалистическое государство еще нигде не осуществлено как факт действительности. Поэтому с социалистическим государством можно считаться только как с принципом, но не как с фактом. Однако Фихте и Гегель брали и правовое государство не как эмпирический факт, они представляли себе его не в том конкретном виде, каким оно было дано в передовых странах их эпохи, а как совокупность тех принципов, которые должны осуществляться в совершенном правовом государстве. Следовательно, интересовавшее их и служившее их философским построениям правовое государство было также идеальным в своей полноте и законченности типом государства.

Руководствуясь методологическими соображениями, мы должны расширить этот взгляд на значение различных типов государственного существования. Вопрос о типах есть вопрос о том, чтобы методологически правомерно мыслить непрерывно изменяющиеся и текучие явления как пребывающие и устойчивые. В науке о государстве мы должны прибегать к этому орудию мышления потому, что имеем здесь дело с явлением не только развивающимся, но и претерпевающим ряд превращений и перевоплощений. Так, абсолютно-монархическое государство, несомненно, развилось из феодального, а государство конституционное — из абсолютно-монархического. Но несмотря на то, что этот переход часто совершался очень медленно и что развитие после этого перехода не останавливалось, так что каждая государственная форма в свою очередь проходила различные стадии развития, государство при переходе от одной формы к другой перевоплощалось, и мы должны себе представлять каждую из этих форм в ее наиболее типичных чертах. Правда, иногда между отдельными государственными формами сами исторические события проводят резкие грани. Так, момент перехода от абсолютно-монархического к конституционному государству представляется исторически таким важным и решительным, что по нему и судят об этих государственных формах. Согласно общепринятому воззрению, до этого поворотного момента существовало абсолютно-монархическое государство, после него было установлено конституционное или правовое государство. В действительности, однако, несмотря на сопровождающие этот переход общественные и государственные потрясения и на те резкие отличия в организации сменяющих друг друга государственных форм, которые дают основание говорить об определенном моменте перехода от одной к другой, переход этот никогда не имеет столь решительного характера. Так, абсолютно-монархическое государство в последние периоды своего существования обыкновенно уже проникается известными чертами правового государства. С другой стороны, конституционное государство после своего формального учреждения далеко не сразу становится правовым¹. Напротив, це-

¹ С. А. Котляревский стремится выделить тип правового государства и противопоставить его остальным государственным типам, присвоив ему по преимуществу эволюционный характер. Он считает, что «правовое государство не есть такой строго очерченный тип, как, например, государство монархическое или республиканское, государство с конституцией гибкой или малоподвижной». По его мнению, «в конце концов правовое государство выражает только известный уклон, устремление, запечатлевшееся в государственном строении и действительности» (*Котляревский С. А.* 1) Правовое государство и внешняя политика. М., 1909. С. 32; 2) Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 350). Но такое определение типа правового государства мы не можем признать методологически правильным. Ведь методологическое задание типа в том и заключается, чтобы мыслить изменчивое явление в его неизменных наиболее типичных чертах. Напротив, как уклон или устремление можно охарактеризовать всякое конкретное государственное образование, к како-

лые исторические эпохи его существования должны быть охарактеризованы как переходные. Таким образом, исторически каждая из этих форм государственно-го бытия выступает не в чистом виде, а всегда проникнутая большим или меньшим количеством элементов другой формы. Но тем важнее представить себе каждую из этих форм в безусловно чистом виде, так как только тогда можно иметь критерий для оценки степени постепенного проникновения ее в какую-нибудь конкретную государственную организацию. Ясно, однако, что *такие чистые государственные формы очень редко воплощаются в конкретной действительности как реальные факты. Но они должны быть теоретически установлены в виде идеальных по своей законченности, полноте и совершенству типов*¹.

Эти методические предпосылки мы и можем принять за основание дальнейшего рассмотрения интересующего нас здесь вопроса. С одной стороны, мы будем иметь в виду, что каждая государственная форма лишь постепенно проникает в ту или иную конкретную государственную организацию, с другой — нам будут служить критериями оценки идеальные типы государственного бытия в своей непреложной теоретической данности. Руководствуясь этими точками зрения, мы и рассмотрим отношение между государством и личностью.

му бы типу оно ни принадлежало, так как оно непрерывно развивается. С другой стороны, С. А. Котляревский хочет видеть во всех типах государства различные исторические воплощения правового государства (Власть и право. С. 120 и сл). С его точки зрения, например, «естественно подымается вопрос, не должны ли мы здесь (в феодальном государстве) искать чрезвычайно яркого воплощения принципов правового государства», и дальше он считает возможным говорить о «феодальном понимании правового государства» (Там же. С. 188, 207). Нам кажется, что, стоя на правильной методологической точке зрения, можно ставить вопрос только о различном проникновении права или правовых принципов в различные типы государства, а отнюдь не самого правового государства или его принципов. Само собой понятно, что тип государства надо отличать и от государственного устройства. В таком случае всякий тип государства есть понятие метаюридическое, а не только тип правового государства. Ср.: Там же. С. 234.

¹ Изучение типов в качестве задачи научного познания одинаково выдвигают и историки, и социологи, и политэкономисты, и государственники. Историческое изучение типов выясняется в труде Д. М. Петрушевского «Очерки по истории средневекового общества и государства» (3-е изд. М., 1913. С. 36 и сл.) и в курсах Н. И. Кареева «Типологические курсы по истории государственного быта» (5 томов. СПб., 1903—1908). Методическое значение понятия типа вообще и идеального типа в частности выяснили Г. Еллинек и М. Вебер. См.: *Jellinek G. Allgemeine Staatslehre*. S. 31—39 (русск. пер. 2-е изд. С. 22—31); *Weber M. Die «Objektivität» sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*. Bd. XIX. S. 22 ff., bes. 64 ff.^{24*}. Г. Еллинек считает, что изучение идеальных типов не приводит к научному познанию. Но под идеальными типами он подразумевает типы идеализированные. При этом он опускает из вида, что в само понятие типа входит представление о чем-то образцовом, совершенном и законченном. Это понятие выяснил еще в половине прошлого столетия английский философ Юэль. По его словам, «тип есть образец того или другого класса (например, того или другого рода или вида), рассматриваемый как преимущественно обладающий отличительными признаками данного класса. Все виды, имеющие больше родства с этим типичным видом, чем с каким бы то ни было другим, образуют род и группируются вокруг этого вида, то более, то менее уклоняясь от него в различных направлениях. Таким образом, род может состоять прежде всего из нескольких видов, очень близко подходящих к типу и обладающих очевидным правом стоять рядом с ним, а затем также и из других видов, стоящих дальше от этого центрального узла, но все же связанных с ним, очевидно, более, чем со всяким другим». Цитир. у Дж. Ст. Милля (Система логики. С. 576). Везде подчеркнуто мною. Если бы это определение понятия типа пользовалось большей известностью, то были бы устранены многие недоразумения. В частности, тогда были бы невозможны возражения Рихарда Шмидта против теории типов Г. Еллинека. Ср.: *Schmidt R. Allgemeine Staatslehre*. Bd. II. T. 2. Leipzig, 1903. S. 838—839. Правильнее рассуждает J. Hatschek (Konventionalregeln oder über die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung im öffentlichen Recht // *Jahrb. d. öff. Rechts*. Bd. III (1909). S. 41 ff.

Большинство современных европейских и американских государств принадлежит по своему государственному строю к конституционным или правовым государствам¹. Конечно, в различных странах, в различных климатических условиях, среди различных национальностей и под влиянием различных исторических судеб конституционные государства организованы чрезвычайно различно. Как формы, так и виды конституционных или правовых государств в Европе и в других странах весьма разнообразны. Различия эти часто весьма существенны, из-за сохранения или устранения их ведется жестокая политическая борьба. Но по сравнению с основными принципами конституционного или правового государства все эти различия оказываются деталями. Основные принципы, на которых построено и должно быть построено всякое правовое государство, везде должны быть одни и те же.

Основной принцип правового или конституционного государства состоит, как мы установили в предыдущем очерке, в том, что государственная власть в нем ограничена. В правовом государстве власти положены известные пределы, которых она не должна и правовым образом не может переступить. Ограниченность власти в правовом государстве создается признанием за личностью неотъемлемых, ненарушимых и неприкосновенных прав. Впервые в правовом или конституционном государстве признается, что есть известная сфера самоопределения и самопроявления личности, в которую государство не имеет права вторгаться.

Неотъемлемые права человеческой личности не создаются государством; напротив, они по самому существу своему непосредственно присвоены личности. Среди этих неотъемлемых, непосредственно присущих человеку прав на первом месте стоит свобода совести. Вся сфера мнений, убеждений и верований должна быть безусловно неприкосновенна для государства. Отсюда возникает признание религиозной свободы, т. е. свободы верить и не верить, менять религию, создавать свою собственную религию и объявлять себя не принадлежащим ни к какому вероисповеданию; сюда же надо отнести свободу культов, т. е. право для всех вероисповеданий отправлять свое богослужение. Непосредственным следствием свободы совести является свобода слова устного и печатного. Человек имеет право не только думать, как ему угодно, и верить, во что ему угодно, он имеет также право свободно высказывать свои мнения и убеждения, проповедовать свои верования, отстаивать и распространять их путем устного и печатного слова. Для высказывания своих мнений и проповеди своих взглядов человек должен иметь свободу общения. Без свободы общения не может происходить даже простой обмен мнений и взглядов. Поэтому среди неотъемлемых прав личности, признаваемых в правовом или конституционном государстве, одним из существеннейших прав является свобода союзов и свобода собраний. Человек имеет право свободно собираться, устраивать общества и союзы.

¹ В. М. Гессен утверждает, что «правовое и конституционное государство — синонимы; отождествление понятий правового и конституционного государства является общим местом современной германской доктрины государственного права» (*Гессен В. М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. СПб., 1905. Т. I. С. 135*). Г. Ф. Шершеневич (*Общая теория права. С. 247*) и С. А. Котляревский (*Власть и право. С. 91, 113–114*) возражают против этого отождествления. С нашей точки зрения, правовое государство есть вполне и последовательно развитое конституционное государство. Так как мы здесь выясняем принципы, а они наиболее полно проявляются в законченно развитых государственных формах, то мы и можем приравнять конституционное государство к правовому.

Но все эти и многие другие свободы и права, как, например, свобода профессий, свобода передвижения, право на доброе и незапятнанное имя, а в конечном счете и все гражданские или частные права, оказались бы иллюзией, если бы в правовом государстве не была установлена неприкосновенность личности. Дело в том, что при осуществлении своих прав, а тем более политических свобод, различные лица и целые группы лиц необходимо сталкиваются. Здесь естественно возникает очень много противоположных желаний, стремлений, намерений и планов, одновременное осуществление которых привело бы к массе столкновений. Для устранения этих столкновений во всяком правовом государстве все свободы и права должны быть регламентированы, т. е. для осуществления их должны быть установлены правила, которые исключали бы возможность столкновений с осуществлением других потребностей. Нарушение этих правил, как и нарушение всех других норм, охраняемых уголовными законами, естественно, должно быть наказуемо. Органы государственной власти и в правовом государстве должны быть наделены полномочиями пресекать нарушение законов, т. е. в случае нужды даже арестовывать нарушителей. Но в правовом государстве полномочия органов государственной власти по пресечению нарушения законов поставлены в строгие рамки закона¹. Эти законные рамки для полномочий органов власти в правовом государстве и создают так называемую неприкосновенность личности. Они заключаются в том, что административные власти или, точнее, полиция не может лишать человека свободы на более продолжительный срок, чем на сутки, а в крайнем случае на два или три дня. В течение этого времени она должна или освободить арестованного, или передать его в руки судебной власти. Со своей стороны судебные власти немедленно по передаче им арестованного должны установить, был ли нарушен закон и насколько важно нарушение. В зависимости от этих обстоятельств судебная власть должна или издать постановление о немедленном освобождении арестованного, или составить мотивированный приговор о его дальнейшем задержании. Прямым дополнением принципа неприкосновенности личности является неприкосновенность жилища и переписки. По отношению к жилищу и переписке устанавливаются также правила, на основании которых они могут подвергаться осмотру только по приговору судебных властей. Все права личности вместе с неприкосновенностью ее составляют существенное содержание политической свободы, без которой не может обходиться ни одно культурное общество.

Благодаря неотъемлемым правам и неприкосновенности личности государственная власть в правовом или конституционном государстве не только ограничена, но и строго подзаконна. Подзаконность государственной власти является настолько общепризнанным достоинством государственного строя как такового, что обыкновенно его стремятся присвоить себе и благоустроенное абсолютномонархическое государство. Но для него это оказывается совершенно недостижимой целью. Органы государственной власти бывают действительно связаны законом только тогда, когда им противостоят граждане, наделенные субъективными публичными правами. *Только имея дело с управомоченными лицами, могут осуществлять правовые притязания к самому государству, государственная власть оказывается вынужденной неизменно соблюдать законы.* Этого нет в абсолютно-монархическом государстве, так как в нем подданные лишены всяких гражданских прав, т. е. прав человека и гражданина. Поэтому все усилия абсолютно-монархических государств насадить у себя законность, как показывают исторические факты, оканчиваются полной неудачей. Таким образом, не под-

¹ Ср.: Bahr O. Der Rechtsstaat. Eine publizistische Skizze Göttingen, 1864. S. 52 ff., 192 ff.

лежит сомнению, что осуществление законности при общем бесправии есть чистейшая иллюзия. При бесправии личности могут процветать только административный произвол и полицейское насилие. Законность предполагает строгий контроль и полную свободу критики всех действий власти, а для этого необходимо признание за личностью и обществом их неотъемлемых прав. Итак, последовательное осуществление законности требует, как своего дополнения, свобод и прав личности и в свою очередь естественно вытекает из них как их необходимое следствие.

Права человека и гражданина или личные и общественные свободы составляют только основу и предпосылку того государственного строя, который присущ правовому государству. Как и всякое государство, правовое государство нуждается в организованной власти, т. е. в учреждениях, выполняющих различные функции власти. Само собой понятно, что правовому государству соответствует вполне определенная организация власти. В правовом государстве власть должна быть организована так, чтобы она не подавляла личность; в нем как отдельная личность, так и совокупность личностей — народ должны быть не только объектом власти, но и субъектом ее. Этот характерный признак государственной власти в правовом государстве лучше всего выясняется из противопоставления организаций государственной власти в правовом и абсолютно-монархическом государствах.

В абсолютной монархии личность совершенно бесправна по отношению к власти. Поэтому к абсолютной монархии вполне приложимы слова, которыми М. А. Бакунин хотел определить вообще государство. Абсолютно-монархическое государство — «это сумма отрицаний свобод всех его членов»^{25*}. Государственная власть в абсолютной монархии характеризуется тем, что она безусловно противопоставляется населению или народу. Абсолютно-монархическая государственная власть — это нечто совершенно чуждое народу, только господствующее, распоряжающееся и управляющее им. Всю свою силу, весь смысл свой абсолютно-монархическая власть почерпает в своей безусловной оторванности от народа, так как эта оторванность и отчужденность от народа позволяет абсолютно-монархической власти вознестись на ту неизмеримую и недостижимую высоту, которая сообщает всем ее распоряжениям непререкаемость. Prestиж абсолютно-монархической государственной власти и заключается, главным образом, в ее непререкаемости или в требовании слепого беспрекословного повиновения распоряжениям власти и в воспрещении какой бы то ни было критики их.

Совсем другими чертами характеризуется государственная власть в правовом или конституционном государстве. В нем власть связана с народом, так как сам народ в нем принимает участие в организации власти и в создании государственных учреждений. Самое важное учреждение правового государства — народное представительство, исходящее из народа, является соучастником власти, непосредственно создавая одни акты ее и влияя на другие. Поэтому престиж конституционной государственной власти заключается не в недостижимой высоте ее, а в том, что она находит поддержку и опору в народе. Опираясь на народ является ее основной задачей и целью, так как сила, прочность и устойчивость ее заключается в народной поддержке. В конституционном государстве правительство и народ не могут противопоставляться, как что-то чуждое и как бы враждебное друг другу. В то же время они и не сливаются вполне и не представляют нечто нераздельно существующее. Напротив, государственная власть и в конституционном государстве остаётся властью и сохраняет свое собственное и самостоятельное значение и существование. Но эта власть солидарна с народом; их задачи и цели одни и те же, их интересы в значительной мере общие. Таким образом, в то

время как абсолютно-монархическое государство характеризуется двойственностью, так как оно состоит из двух чуждых, разнородных и часто друг другу враждебных элементов: правительства и народа, в конституционном государстве, хотя бы в принципе или в идее, создается некоторое единство между народом и государственною властью. Единение власти с народом является всегда целью и основным стремлением всякого конституционного правительства.

Однако часто указывают на то, что в современном конституционном государстве ведется непрерывная борьба классов из-за власти, что в нем всегда есть господствующие и подчиненные классы, и потому ему несвойственно единение государственной власти с народом и проистекающее отсюда единство государственного целого. Так как классовая борьба заключается в розни, разъединении и разобщении, то обыкновенно и делают вывод: там, где постоянно ведется классовая борьба, не может быть единения, общности и солидарности. Но классовая борьба есть борьба общественных сил; это явление по преимуществу социальное, относящееся к социальной основе современного государства. Следовательно, элемент разобщения, разъединения и розни, создаваемый классовой борьбой, характеризует лишь социальное строение современного государства, а не само правовое государство как таковое. Правда, классовая борьба вплетена в организацию современного конституционного государства. Отдельные классы при посредстве своих партий являются благодаря народному представительству двигателями современного государства во всех его проявлениях¹. Но все отдельные общественные силы, организованные в самостоятельные политические партии, выступают как нечто обособленное, друг с другом разъединенное и даже противоположное друг другу только в подготовительных стадиях, только пока не принято решение и не определено, как будет действовать само государство и что будет выражением его воли. Напротив, всякий акт государственной власти представляет в правовом государстве всегда нечто единое и цельное. При этом акты власти в современном правовом государстве не являются простым выражением мнений и желаний господствующего класса. Далек не всегда побеждает тот, кто был и остался победителем в решительный момент, когда складывалось и организовывалось современное государство. Часто господствующему элементу приходится идти на уступки, а тогда отдельные акты и вся деятельность государства являются результатом компромисса. Во всяком случае в современных правовых государствах и социально угнетенные элементы всегда имеют возможность влиять на ход государственной жизни, так как и они имеют своих представителей в общем народном представительстве. Во всех современных парламентах существуют рабочие партии, а голос такой партии, несмотря на незначительное иногда число ее представителей, может приобрести громадный вес и моральное значение, мы это видим, например, в Англии. Господствующие партии часто бывают принуждены уступать рабочим партиям даже в принципиальных вопросах, несмотря на то что физическая сила или, вернее, превосходство в числе парламентских представителей на их стороне.

Вследствие всех этих причин отчужденность от государства даже наиболее угнетенных социально и наиболее крайних по своим политическим требованиям элементов, т. е. рабочего класса, в конституционном государстве не так велика, как отчужденность всего народа от правительства в абсолютно-монархическом государстве. В конституционном государстве и рабочий класс путем своих партий и их парламентских фракций участвует в государственной жизни и влияет на ее ход. Все это и способствует установлению того единства между народом и государственною властью, которое характеризует конституционное государство.

¹ Schmidt R. Allgemeine Staatslehre. Leipzig, 1901. Bd. I. S. 238 ff.

Конечно, это единство государственного целого в современном конституционном государстве имеет значение скорее девиза, принципа и идеальной цели, чем вполне реального и осуществленного факта. Уже то, что в современном конституционном государстве есть господствующие и подчиненные, даже социально угнетенные элементы, не позволяет вполне осуществиться такому единству. Но здесь мы и видим наиболее яркое выражение того несоответствия между конституционным государством как реальным фактом современности и идеальным типом конституционного или правового государства, которое мы признали методологическим основанием для рассмотрения интересующего нас здесь вопроса. *Современное конституционное государство провозглашает определенный принцип, как свой девиз и свою цель, к осуществлению его оно стремится, но сперва оно осуществляет его лишь частично и долгое время оно не в состоянии осуществить его целиком.* Несомненно, что полное единение государственной власти с народом, т. е. полное единство государства как цельной социальной организации, осуществимо только в государстве будущего, в народном или социалистическом государстве. Последнее, однако, не будет в этом случае создавать новый принцип, а только осуществит тот принцип, который провозглашен правовым государством.

Возвращаясь к вопросу об организации государственной власти в правовом государстве и об участии народа в этой организации, надо отметить, что самая важная функция власти — законодательство в правовом государстве всецело подчинено народному представительству. Законодательство целиком обуславливает организацию и деятельность государства и его элементов; оно регулирует не только отношение отдельных лиц и целых групп между собой, но и отношение самого государства к гражданам, а вместе с тем и деятельность всех государственных учреждений. Ясно, однако, что при свободе лица и самодеятельности общества лицо само должно участвовать тем или иным способом в выработке норм или правил, выраженных в законах, которые будут его связывать и обязывать. В правовом государстве отдельные лица оказывают влияние на ход и характер законодательных работ через народное представительство. В избрании народного представительства должен участвовать, конечно, весь народ; никакие разделения народа и выделения из него привилегированных групп по отношению к праву избирать народных представителей, т. е. никакие ограничения избирательного права, принципиально недопустимы. Избирательное право должно быть всеобщим и равным, а для того, чтобы всеобщность и равенство были действительно обеспечены, голосование должно быть прямым и тайным. Требование всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов является теперь основным требованием демократизма. При демократическом строе всякий должен обладать избирательным правом, и никто не должен быть его лишен. Теперь это стало аксиомой даже для сторонников самых скромных демократических учреждений. Впрочем, в последние десятилетия все более и более выясняется, что всеобщее избирательное право отвечает не только запросам демократизма, но и самым настоятельным нуждам правового государства как такового. Ничто в такой степени не обеспечивает государственного единства и национальной солидарности, как всеобщее избирательное право. Из государственных деятелей первым понял это Бисмарк, который поставил созданную им Германскую империю на прочный базис, наделив ее народным представительством, избираемым на основе всеобщего и прямого голосования. Так как всеобщее избирательное право было введено в Германской империи еще тогда, когда во всех отдельных немецких государствах народные представительства избирались на основе различных цензовых систем, то это сразу придало имперскому народному пред-

ставительству громадный авторитет и чрезвычайно расширило его моральные, а в конце концов и юридические компетенции. Можно с уверенностью сказать, что государственное единство немецкого народа окрепло и сделалось более устойчивым главным образом благодаря тому, что имперское народное представительство избирается путем всенародного голосования. Спустя сорок лет после основания Германской империи по тому же пути пошла Австрия. При разноплеменности населения Австрийской империи и при беспощадной борьбе между национальностями Австрия особенно нуждалась в народном представительстве, которое объединяло бы все ее народы и являлось бы олицетворением государственного единства. А такое сплачивающее и объединяющее народное представительство необходимо должно избираться всенародным голосованием. Австрийское правительство со своим императором во главе осознало, в чем заключается настоятельная государственная необходимость для Австрии, и поняло, что государственное единство Австрии может быть спасено только общенародным и демократическим представительством. Поэтому в первом десятилетии нынешнего столетия мы и присутствовали при поразительном явлении, что застрельщиком и самым энергичным борцом за всеобщее избирательное право в Австрии было само правительство. Горячую поддержку в этом вопросе австрийскому правительству оказывала социалистическая партия, напротив, все консервативные партии и часть либеральных перешли в оппозицию. Таким образом, всеобщее избирательное право в Австрии было введено главным образом по инициативе и настоянию самого правительства.

Благодаря народному представительству и правам человека и гражданина, гарантирующим политическую самостоятельность как отдельных лиц, так и общественных групп, вся организация правового государства имеет общественный или народный характер. Правильное и нормальное выполнение государственных функций в правовом государстве зависит от самостоятельности общества и народных масс. Без активного отношения к правовому порядку и к государственным интересам, исходящего из недр самого народа, правовое государство немислимо. Своего полного развития правовое государство достигает при высоком уровне правосознания в народе и при сильно развитом в нем чувстве ответственности. В правовом государстве ответственность за нормальное функционирование правового порядка и государственных учреждений лежит на самом народе. Но именно потому, что забота о государственной и правовой организации возложена в правовом государстве на самый народ, оно является действительно организованным, т. е. благоустроенным государством.

Прямую противоположность в этом отношении представляет полицейское государство. Этот вид государственного устройства и государственного управления обыкновенно развивается в более благоустроенных абсолютно-монархических государствах, особенно при господстве просвещенного абсолютизма. Полицейское государство характеризуется самой тщательной опекой органов государственной власти над нуждами и интересами своих подданных. В принципе полицейское государство преследует якобы благие цели, но на практике вечная опека правительственных учреждений является совершенно невыносимой для сколько-нибудь независимых людей. Нет другого государственного строя, в котором человеческое достоинство страдало бы так сильно, как именно в полицейском государстве. Но оскорбляя личность, полицейское государство убивает также всякую личную и общественную инициативу и самостоятельность. Оно заменяет ее детальной и формально-казуистической регламентацией. Притом полицейское государство всегда ревниво оберегает свои прерогативы. Во всяком проявлении инициативы со стороны общества оно видит покушение на свои полномочия, и потому оно не

допускает никаких общественных организаций, а борясь с ними, оно в конце концов сеет раздоры и дезорганизацию в народе.

Таким образом, среди полного бесправия личности и самой строгой полицейско-бюрократической опеки всякое полицейское государство естественно и в силу внутренней необходимости всегда приводит и должно привести к анархии. Там, где весь правопорядок держится только бдительностью и заботами органов власти, а активное отношение к нему общества пресекается, там всегда должен наступить известный момент, когда старый правопорядок будет упразднен, а новый еще не будет создан. Ни правопорядок, ни государственный строй не могут быть долговечны, если они не находят себе опоры в общественном правосознании. Между тем полицейское государство в принципе отрицает роль общественного правосознания. Последнее признается как бы неправомерным вторжением общества в компетенцию органов власти.

В противоположность полицейскому государству правовое государство исключает возможность анархии, так как в нем сам народ на своих плечах выносит всю правовую и государственную организацию. Опираясь на народное правосознание и постоянно приспосабливаясь к нему, оно изменяется вместе с изменением правосознания. Притом правовое государство необходимо предполагает широкие общественные и народные организации, благодаря которым растет и его собственная организованность.

III

Правовое государство часто называют буржуазным, противопоставляя его социалистическому. Это определение справедливо постольку, поскольку оно отмечает те общественные элементы, которые имеют наибольшее влияние на деятельность *современного* правового государства. Действительно, в современном правовом государстве наибольшее влияние оказывают имущие и зажиточные классы. Обладая материальными средствами и досугом, они имеют возможность достигать господствующего положения и направлять деятельность государства в выгодную для себя сторону. Очень часто наиболее видное положение в правовых государствах занимают представители крупного капитала, и тогда государственная политика в большинстве случаев бывает направлена в интересах крупного капитализма. В таких государствах даже значительная часть интеллигенции, людей науки и искусства идет на службу к представителям капитализма, с которыми они бывают прочно связаны происхождением, воспитанием или экономической зависимостью. Оказывая поддержку крупному капитализму своими знаниями и талантами, они, конечно, способствуют еще большему укреплению и возвеличению его господства. Все это вместе придает современным правовым государствам буржуазный характер.

Но ясно, что когда правовое государство называют буржуазным, то этим наименованием определяют не самое государство, а то социальное и экономическое строение, которое составляет основание современного правового государства. Напротив, термин «правовое государство» служит для определения юридического характера самого государства данного типа. К сожалению, пока это еще не вполне отчетливо сознается, а между тем с теоретической точки зрения это чрезвычайно важно. Ведь в свою очередь, когда говорят о социалистическом государстве, то также имеют в виду, главным образом, его социальное и экономическое устройство. В самом деле, правовая или юридическая природа социалистического государства пока еще очень мало исследована. Конечно, социальное и эконо-

мическое строение социалистического государства гораздо важнее, чем его юридическая природа. Она образует те характерные черты, которые составляют отличительное свойство социалистического государства: когда говорят о социалистическом государстве, то думают прежде всего об известном социальном и экономическом строе, а не о какой-то особенной правовой организации.

Но это, конечно, только объяснение, а не оправдание того, что правовая природа социалистического государства до самого последнего времени почти совершенно игнорировалась. Происходило это отчасти и вследствие как бы случайных причин. Дело в том, что все основатели социализма, творцы социалистических учений и систем были или философами, или историками, или политэкономами. Среди видных создателей теории социализма нет ни одного юриста. А так как социалистическое государство не есть нечто реальное, что можно исследовать, как факт, то правовая организация социалистического государства и оставалась до последнего времени теоретически не воссозданной.

Только в начале нашего столетия была опубликована книга о социалистическом государстве, написанная юристом, обратившим главное внимание на правовую сторону социалистических учреждений. Это «Новое учение о государстве» бывшего профессора Венского университета Антона Менгера. В этом исследовании так же, как отчасти и в некоторых предыдущих книгах автора, главным образом, в сочинениях «Право на полный продукт труда» и «Гражданское право и неимущие классы населения», вопросы социальных реформ и, в частности, проблема социализма впервые последовательно рассматривается с юридической точки зрения. Нельзя отрицать, несомненно, большой заслуги А. Менгера в постановке самой задачи, намеченной им к разрешению; он взялся за то, за что до него никто не брался. Но, к сожалению, приходится признать, что он выполнил предпринятое им дело в теоретическом отношении не вполне удовлетворительно.

Коренной недостаток сочинения А. Менгера о новом государстве обусловлен тем обстоятельством, что А. Менгер — цивилист, юридические представления и понятия которого находятся в полной зависимости от гражданско-правовых конструкций. Правда, гражданский процесс — тот предмет, который он читал в Венском университете, причисляется теперь к публично-правовым дисциплинам, но вместе с тем он и неразрывно связан с гражданским правом, частью которого он еще сравнительно недавно считался. Как цивилист А. Менгер обратил главное внимание на разработку гражданско-правовых институтов и на их преобразование в социалистическом государстве. Напротив, он отнесся довольно пренебрежительно к некоторым очень важным государственно-правовым учреждениям и совсем не вник в своеобразие публично-правовых отношений, устанавливающихся между государством и личностью. Его взгляд на теоретическую разработку государственных институтов в современной науке государственного права граничит прямо с презрением. Таким отношением к соседней научной дисциплине А. Менгер отрезал себе путь к пониманию действительной государственно-правовой природы социалистического строя. Между тем громадный интерес представляло бы более внимательное и вдумчивое исследование социалистического государства именно с публично-правовой точки зрения; в частности, особенно важно раскрыть, как должны сложиться отношения между государством и личностью в государстве этого типа.

Выясняя правовую природу социалистического государства, надо прежде всего ответить на принципиальный вопрос: является ли социалистическое государство по своей правовой природе прямо противоположностью правовому государству. С точки зрения ходячих взглядов на социалистическое государство, ответ на этот вопрос будет безусловно утвердительный. Ведь существующая политическая и

агитационная литература о социалистическом государстве только тем и занимается, что противопоставляет государство будущего современному правовому государству. Но чтобы найти научно правильный ответ на него, надо прежде всего освободиться от ходячих решений. Тогда, вдумываясь в этот вопрос, мы придем к заключению, что ответ на него мы найдем очень легко, если упростим и конкретизируем самый вопрос. Мы должны спросить себя: принесет ли государство будущего какой-то новый свой правовой принцип, или оно такого принципа не способно принести? При такой постановке вопроса ответ получается совершенно определенный и простой; в самом деле, перебирая все идеи, связанные с представлением о социалистическом государстве, мы не найдем среди них ни одного правового принципа, который можно было бы признать новым и еще не известным правовому государству. Тут и скрывается истинная причина, почему среди творцов социалистических систем нет ни одного юриста или философа права; им в этой области нечего было творить. Но в таком случае социалистическое государство, не выдвигающее нового правового принципа, и не должно противопоставляться по своей правовой природе государству правовому.

Если мы перейдем теперь к более подробному рассмотрению правовой природы социально справедливого или социалистического государства, то мы окончательно убедимся в том, что ничего нового в правовом отношении государства будущего неспособно создать¹. Оно может только более последовательно применить и осуществить правовые принципы, выдвинутые правовым государством. Даже с социологической точки зрения устанавливается известная связь и преемственность между современным государством и государством будущего. Великое теоретическое завоевание научного социализма заключается в открытии той истины, что капитализм является подготовительной и предшествующей стадией социализма. В недрах капиталистического хозяйства уже заложены зародыши будущего социалистического хозяйства. Особенно громадна организующая роль капиталистического производства. Благодаря ему вместе с созданием крупных промышленных центров сосредоточиваются также большие народные массы и получают этим путем возможность организовать и сплотиться. Но если капиталистическое хозяйство можно рассматривать как подготовительную стадию к социалистическому, то тем более правовое государство, провозглашающее наиболее совершенные начала правовой организации, должно быть признано прямым предшественником того государства, которое осуществит социальную справедливость. В самом деле, социально справедливое государство должно быть прежде всего определено демократическим и народным. Но и современное правовое государство является по своим принципам безусловно демократическим. Правда, не все современные правовые или конституционные государства на практике

¹ Немецкие государственноведы последней трети XIX столетия, придерживавшиеся того же мировоззрения, которое в политической экономии получило характерное название кафедр-социализма, противопоставили правовому государству (Rechtsstaat) государство, осуществляющее культурные цели (Kulturstaat), как высший и непосредственно следующий за правовым государством тип государства. Ср.: *Berolzheimer. System der Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. Bd. II (1905). S. 492*. Но осуществление культурных целей свойственно всякому государству, так как культура в силу своего всеобъемлющего характера охватывает всю совокупность общественно-государственной жизни. В действительности все культурные задания, намечаемые для «культурно-созидательного государства», сводятся к социально-политическим заданиям. Поэтому правовому государству можно противопоставлять в известном смысле, как высший тип, только социально справедливое государство. Г. Ф. Шершеневич также отмечает, что самые важные культурные задачи современного государства осуществляются путем социального законодательства, и в заключение указывает на то, что «на горизонте обрисовываются, хотя еще неясно, черты социального государства» (Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 250).

одинаково демократичны. Однако среди них есть вполне последовательные демократии, осуществившие и пропорциональное представительство, и непосредственное народное законодательство. Во всяком современном правовом государстве есть государственные учреждения, из них на первом месте стоит народное представительство, дающие возможность развиваться самому последовательному и самому широкому применению народовластия. Понятно поэтому, что рабочие партии во всех правовых государствах считают возможным воспользоваться современным государством как орудием и средством для достижения более справедливого социального строя. И действительно, многие учреждения правового государства как бы созданы для того, чтобы служить целям и дальнейшей демократизации государственных и общественных отношений.

Но особенно ясно для нас станет непреложное значение тех правовых принципов, которые провозглашает и осуществляет правовое государство, и для государства, долженствующего создать социально справедливые отношения, если мы будем рассматривать правовое государство как организующую силу. Выше мы указали, что правовое государство отличается от предшествующего ему абсолютно-монархического и полицейского государства своим организаторским характером. Оно устраняет те анархические элементы, которые носит в себе в виде зародыша всякое абсолютно-монархическое и полицейское государство и которые могут развиваться в настоящую анархию. Но устраняя анархию из правовой и государственной жизни, правовое государство может служить прообразом того, как социально справедливое государство устранил анархию из хозяйственной жизни. Вспомним, что хотя капиталистическое производство организует народные массы, сосредоточивая и скопляя их в центрах промышленной жизни, само по себе оно принадлежит к типу анархического хозяйства. Оно организовано только индивидуально в виде отдельных независимых ячеек, с общественной же точки зрения оно отличается дезорганизацией и анархией. Образующие его отдельные ячейки или самостоятельные капиталистические хозяйства сталкиваются в своих интересах, борются друг с другом, побеждают и взаимно уничтожают друг друга. В результате получается хозяйственная анархия, от которой страдают в своем хозяйственном быте не только отдельные индивидуумы, но и общество. Государство будущего призвано устранить эту анархию; его прямая цель — заменить анархию, господствующую в общественном капиталистическом производстве, организованностью производства, которая будет осуществлена вместе с установлением справедливых социальных отношений.

Для осуществления этой цели социально справедливому государству придется провести реформы, которые коснутся не только государственно-правовых, но и частноправовых отношений. Устранить хозяйственную анархию и установить социально справедливые отношения можно только в том случае, если изъять все средства производства из частноправового оборота. Уже теперь средства производства составляют по большей части не индивидуальную собственность отдельных лиц, а групповую собственность привилегированных компаний, так как они обыкновенно принадлежат акционерным обществам. В социально справедливом государстве они должны превратиться из собственности привилегированных групп в общенародное достояние. Понятно, что при этом та сфера безграничной личной свободы, которая в современном обществе создается и гарантируется гражданским правом, будет значительно сокращена. Часть этой сферы перестанет быть предметом гражданско-правовых отношений. Если мы примем во внимание, что и в современном обществе эта сфера безграничной личной свободы только в принципе предоставлена каждому члену общества, фактически же ею могут теперь пользоваться только многоимущие, то мы должны будем признать, что эта рефор-

ма, несмотря на свое громадное социальное и культурное значение, в правовом отношении не будет представлять из себя крупного переворота.

Но именно в этом пункте правовая организация социально справедливого государства и вызывает наиболее сильные сомнения и возражения. В уничтожении безграничной личной свободы, обеспечиваемой современным гражданским правом, многие видят опасность для индивидуальной независимости и свободно-го проявления личности. Обыкновенно указывают на ту громадную роль, которую в развитии индивидуальности сыграло гражданское право, создавая полный простор для личной инициативы и безграничного проявления индивидуальной энергии. Поэтому предполагаемое сокращение сферы гражданско-правовых отношений в государстве будущего рассматривают часто как возвращение к отжившим правовым порядкам; эти последние, не неся с собою никакого нового правового принципа, находятся в непримиримом противоречии с правовыми началами, лежащими в основании современного правового государства. Исходя из этих соображений, часто утверждают, что социалистическое государство, сделавшись единственным и всеобщим работодателем, превратится в деспотическое государство и что оно по необходимости должно уничтожить личную свободу, как бы оно ни было демократически организовано. Его даже прямо называют «грядущим рабством», и многие думают, что оно превратит современное свободное общество в какие-то военные поселения или казармы.

Эти возражения против социалистических учений в нашей научно-юридической литературе особенно энергично выдвигал Б. Н. Чичерин. Даже в последнем своем систематическом сочинении «Философия права», останавливаясь в связи с вопросом о соотношении между свободой и равенством на «заговоре равных» Бабефа и его учения, он говорит: «В этом учении во имя равенства уничтожается то, что составляет самую его основу, — человеческая свобода. Большого внутреннего противоречия с истинною природою человека невозможно представить. Если другие социалистические системы менее последовательно проводят эти взгляды, то сущность их остается та же: все они проповедают полное подавление свободы деспотизмом массы. Но именно поэтому они никогда не могут осуществиться»¹. Еще дальше идут в своих полемически-отрицательных суждениях о социалистических теориях некоторые государственные деятели. В свое время Бисмарк характеризовал социалистическое общество как каторжный дом с принудительными работами и казенным пайком на содержание каждого члена общества.

Но все эти утверждения основаны на недостаточном знакомстве с системой подлинно научных социалистических идей. Социализму часто приписывают то, что излагалось в различных коммунистических утопиях, имеющих чисто историческое значение. Впрочем, и сам социализм пережил длинную, богатую превратностями эволюцию, совершенно изменившую его внешний облик. По этому поводу исследователь политических идей XIX столетия А. Мишель, сам горячий сторонник индивидуализма, говорит: «Между тем как античные теоретики социализма, его настоящие родоначальники, создали из него строгую и суровую доктрину, насквозь пропитанную самопожертвованием и лишениями, и смотрели на гражданина как на собственность государства, социалисты Нового времени все более и более откровенно превращали его в доктрину, направленную к равенству людей в наслаждениях, так что у его новейших представителей государство стало слугою гражданина». Дальше он утверждает, что учение, называемое современным со-

¹ Чичерин Б. Философия права. М., 1900. С. 99. Эти идеи Б. Н. Чичерин развил главным образом в сочинении «Собственность и государство» (М., 1882—1883. Ч. I. С. 31, 251 и сл., 404 и сл.; Ч. II. С. 169, 209, 370 и сл.).

циализмом, благодаря целому ряду видоизменений «превратилось в крайний индивидуализм»¹.

Неправильное представление о правовых принципах, присущих социалистическому строю, и в частности о том положении, какое в нем будет занимать гражданское право, мы находим и у А. Менгера. В «Новом учении о государстве» он утверждает, что «важнейшая цель социализма состоит в том, чтобы превратить институты нашего частного права в институты публичного права (в современном смысле); таким образом, вместе с современным государственным строем исчезнет противоположность между частным и публичным правом»². В этих словах А. Менгера изображен в преувеличенном виде тот процесс, который совершится вместе с переходом от современного строя к социалистическому. Не подлежит сомнению, что в социалистическом строе область публичного права значительно расширится за счет частного права. Но частное право не может исчезнуть совершенно и в социалистическом строе. Сам А. Менгер вполне основательно доказывает, что частная собственность не может быть совершенно упразднена в социалистическом обществе. Моя рубашка, мой сюртук, мое перо, все остальные вещи в моей комнате не могут стать в социалистическом строе публичным достоянием. Напротив, в социалистическом обществе каждому будет гарантирована своя рубашка, свой сюртук, своя комната, т. е. частная собственность, необходимая для удовлетворения личных потребностей, будет обеспечена каждому. Так же точно личные, семейные и наследственные права, последние, конечно, в пределах узко ограниченной частной собственности, и в социалистическом обществе должны регулироваться нормами частного права. Поэтому надо признать безусловно неправильным суждение И. А. Покровского о том, что «социализм принципиально отрицает самое гражданское право»³. Изъятие из гражданско-правового оборота средств производства не есть принципиальное отрицание самого гражданского права. Здесь даже нет нового правового принципа, так как, начиная со второй половины XIX столетия, уже современный правопорядок своим социальным законодательством совершенно изменил понятие частной собственности, лишив ее характера исключительности и неограниченности. Таким образом, указанное изъятие для некоторых предметов материального мира, находящихся в настоящее время в частной собственности, будет лишь завершением тех ограничений частной собственности, которые созданы социальным законодательством последних десятилетий. Напротив, наиболее важные в бытовом отношении формы частной собственности, именно частная собственность на предметы пользования и потребления, никогда, т. е. ни в одном реально осуществляемом строе, не могут быть упразднены.

Но если в социалистическом государстве будет сужен тот круг личных прав, который создается и обеспечивается современным гражданским правом, то зато значительно будет расширена сфера публичных субъективных прав. Это сильно изменит самое положение личности в государстве, так как сделает ее более полноправной. Выше мы видели, что тот или иной объем частных субъективных прав, как это доказывает Г. Еллинек, не влияет на личность, напротив, всякое приращение или сокращение публичных субъективных прав увеличивает или

¹ Мишель А. Идея государства. С. 781. Ср. с. 311-312.

² Menger A. Neue Staatslehre. Jena, 1903. S. 97 (русск. пер. под ред. Б. Кистяковского. СПб., 1905. С. 99).

³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Оттиск из изд. «Итоги науки». М., 1916. С. 76.

умяляет личность¹. Однако государство будущего и в этой области не может создать ничего принципиально нового, т. е. ничего такого, что было бы неизвестно современному правовому государству. Личности и в будущем могут быть при своены только те три разряда прав, которые и теперь уже признаются за нею. Из этих трех разрядов первый и третий, т. е., с одной стороны, свободы или право на невмешательство государства в известную сферу проявления личности, а с другой, политические права или права на участие в организации и направлении деятельности государства, будут естественно расширены в будущем, но их число и виды не могут быть умножены. Напротив, второй разряд публичных субъективных прав, т. е. права на положительные услуги со стороны государства, будут не только расширены, но и пополнены новыми видами прав. В современном государстве из этих прав вполне определенно признано только право на юридическую защиту со стороны государства². Когда то или иное лицо, считающее, что его право нарушено, обращается к суду для защиты и восстановления своего права, то в этом случае оно пользуется своим субъективным публичным правом. Поэтому современные процессуалисты, стремящиеся дать широкое принципиально-правовое обоснование процессуальному праву, конструируют право личности обращаться за защитой к суду как публичное субъективное право³.

В государстве будущего права на положительные услуги со стороны государства должны быть пополнены, как мы указали выше, новыми видами этого разряда субъективных публичных прав. Эти новые виды прав естественно будут вытекать из того обстоятельства, что средства производства будут изъяты из гражданско-правового оборота и превращены в общенародное достояние. Ясно, что при такой организации производства каждому должно быть предоставлено право на труд, т. е. право пользоваться землей и другими орудиями производства наравне с другими для приложения своего труда и достижения известных хозяйственных целей. Отсюда естественно будет вытекать также право каждого на развитие всех своих способностей и на применение своего труда к той области, которая наиболее соответствует талантам каждого, и, наконец, право на участие во всех материальных и духовных благах, создаваемых современной культурой. Все эти права объединяются в одном общем субъективном публичном праве, именно в праве на достойное человеческое существование.

К сожалению, вопрос об этой второй категории публичных субъективных прав чрезвычайно мало разработан в научной юридической литературе. Из юристов более всех занимался теоретической разработкой социалистических проблем, как мы указали выше, А. Менгер. Первое его исследование по вопросам социализма — «Право на полный продукт труда», которое вышло впервые в 1886 г., выдержало три издания в оригинале и переведено на многие европейские языки и в том числе на русский, даже прямо относится к нашей проблеме. Это исследование А. Менгера чрезвычайно интересно потому, что в нем собрана масса фактов по истории вопроса. Во вступительной главе автор дает также исторический очерк зарождения и развития идеи права на труд и борьбы за него⁴. Но в теоретиче-

¹ Ср. выше С. 305.

² *Jellinek G. System...* 1 Aufl. S. 109–129; 2 Aufl. S. 114–135.

³ См.: *Schmidt R.* 1) *Prozessrecht und Staatsrecht* // *Freiburger Abhandlungen*. Heft. 2, 1904 2) *Die deutsche Zivilprozessreform als politisches Problem* // *Zeitschr. für Politik*. Bd. I. S. 245 ff. 1908 3) *Staatsverfassung und Gerichtsverfassung* // *Laband-Festschrift*. Bd. II. S. 339 ff. 1908. 4) *Die Lüge im Prozess* // *Deutsche Juristenzeitung*. 1909. § 39 ff. 5) *Der Prozess und die staatsbürgerlichen Rechte* Leipzig, 1910.

⁴ *Menger A. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung*. 2 Aufl. Stuttgart, 1891. S. 11–28 (русск. пер. О. Е. Бужанского. СПб., 1906. С. 10–22).

ском отношении его книгу нельзя назвать вполне удовлетворительной. Прежде всего избранное им в качестве предмета исследования право, хотя и играло громадную роль в истории социалистических теорий, как протест против частной собственности на орудия производства, не может быть вполне осуществлено даже в социалистическом обществе. В самом деле, и социалистическое общество будет нуждаться для своей хозяйственной деятельности в капитале в виде орудий производства, а накопление этого капитала будет создаваться только вследствие того, что не весь продукт труда будет распределяться между членами общества. Следовательно, в социалистическом обществе не может быть вполне осуществлено право на полный продукт труда. Сам А. Менгер признает, что для будущего общественного строя гораздо большее значение, чем право на полный продукт труда, будет иметь право на достойное человеческое существование¹.

Еще более важный недостаток исследования А. Менгера заключается в том, что он совсем не дает юридической конструкции исследуемых им прав нового типа, т. е. права на труд, права на полный продукт труда и права на достойное человеческое существование. Поставив себе целью исследовать интересующий его вопрос с юридической точки зрения, он в выполнении своей задачи не возвышается до того уровня, на каком стоит разработка соответственных проблем в современной теории публичного права. Устанавливаемые им новые права он рассматривает то как виды частного права, то как требования социальной справедливости, то даже как нечто аналогичное призрению бедных в современном обществе. Таким образом, с одной стороны, им остается совершенно невыясненным публично-правовой характер этих прав, а с другой — у него не подчеркнуто, а скорее затушено их значение как личных прав.

Конечно, надо принять во внимание, что в то время, когда А. Менгер подготавливал свое сочинение «Право на полный продукт труда», не так легко было поставить проблему о публичных субъективных правах в ее подлинном теоретическом значении. Ведь это сочинение А. Менгера вышло значительно раньше исследования Г. Еллинека о субъективных публичных правах. Однако и в основном своем сочинении о социалистическом строе с правовой точки зрения — в «Новом учении о государстве», которое вышло уже спустя десять лет после исследования Г. Еллинека, А. Менгер не обратил внимания на то, какой характер будет иметь расширение области публичного права в государстве будущего, на которое он сам указывает. Он упустил из виду, что это расширение не ограничится лишь областью объективного публичного права, но и распространится на область субъективных публичных прав. Здесь, говоря о необходимости гарантировать каждому в государстве будущего достойное человеческое существование, он исследует этот вопрос только с экономической и социальной точек зрения². Напротив, он оставляет в стороне юридические свойства права на достойное человеческое существование и не дает юридической конструкции этого права, т. е. не устанавливает его публичного и субъективного характера. Для него проблема субъективных публичных прав как бы не существует. Это объясняется, конечно, крайней неосведомленностью А. Менгера в вопросах публичного права, граничащей почти с полным незнанием его.

В нашей научной литературе юридическое значение вопроса о праве на достойное человеческое существование впервые выдвинуто в двух небольших специ-

¹ Ibid. S. 170 ff. Там же. С. 130 и сл.

² *Menger A. Neue Staatslehre. S. 121-137* (русск. пер. — с. 124-141).

альных этюдах на эту тему П. И. Новгородцева и И. А. Покровского¹. П. И. Новгородцев в своем коротеньком очерке «Право на достойное существование» отмечает, что наиболее яркая и отличительная особенность новейших общественных движений заключается в «признании за правом на достойное человеческое существование не нравственного только, но и юридического значения»². Интерес его работы заключается в указании на ряд законодательных попыток или осуществленных мероприятий, проникнутых стремлением превратить это право в составную часть действующего правопорядка. Напротив, в своем теоретическом анализе этого права автор не вскрыл его подлинной юридической сущности; он только в общих чертах отметил, что оно принадлежит к категории прав человека и гражданина, но не выяснил его функцию в системе субъективных публичных прав. Впрочем, в заключение своего очерка П. И. Новгородцев сам говорит, что он преследовал скромную задачу — «показать, что это право уже приобретает ясные юридические очертания»³.

В противоположность этому И. А. Покровский в своем более обстоятельном очерке «Право на существование», особенно подчеркивая насущное практическое значение этой проблемы, стремится найти ее теоретическое разрешение. Для этого он считает нужным более точно ее формулировать; он находит, что «понятие достойного человеческого существования чрезвычайно неопределенно и растяжимо», а потому признает теоретически более правильным говорить только о «праве на существование»⁴. По его мнению, совесть современного человека не может мириться с тем, что при нашей культуре и образованности почти на глазах у всех люди могут умирать от голода или кончать жизнь самоубийством вследствие неимения средств к существованию. Испытываемое нами при этом жгучее чувство стыда и возмущения свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с каким-то пороком в самой организации общества. Очевидно, здесь не исполнен какой-то долг, притом долг не нравственный, а правовой. Правда, в современном обществе существует развитая система призрения бедных, как будто отвечающая на эти запросы общественной и правовой жизни. И. А. Покровский обращается к ней и, в частности, к ее теоретическому обоснованию в современной юридической литературе; однако здесь он находит, что «не принцип права царит в ней, а принцип милости и милостыни». В самом деле, в области призрения бедных «обязанность государства спасать от голодной смерти признается, но права быть спасенным от голодной смерти отдельное лицо не имеет»⁵. Однако, настаивая дальше на том, что право на существование — «это не апелляция к милости и благости общества, а подлинное право каждого»⁶, он не определяет юридического характера этого права. В своих заключительных замечаниях и, в частности, в словах — «право на существование явится для современного строя очень сильным пробным камнем» — он как бы стремится вдвинуть его в сферу частного права⁷.

¹ Ср.: *Новгородцев П. И.* Два этюда // Полярная звезда СПб., 1905. № 3; *Покровский И. А.* Право на существование // Свобода и культура СПб., 1906. № 4. Эти этюды перепечатаны без изменений в серии «Свободное знание» (изд. М. О. Вольфа: *П. И. Новгородцев и И. А. Покровский* О праве на существование. Социально-философские этюды). В дальнейшем мы цитируем последнее издание

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 25–26.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Там же. С. 47.

О субъективных публичных правах он даже не упоминает в своем этюде, хотя юридически право на существование может быть конструировано только как один из видов этого разряда субъективных прав.

Нежелание И. А. Покровского признать право на существование публичным субъективным правом вытекает из всей совокупности его юридического мировоззрения. Это особенно ясно видно на его новейшем систематическом исследовании «Основные проблемы гражданского права». Здесь он считается с тем, что колоссальное развитие публичного права, совершившееся в последние полтора столетия, отражается на всем современном правопорядке¹. Но в заключение своей книги, возвращаясь к праву на существование, он, несмотря на указание критики по поводу его этюда², уклоняется признать это право субъективным публичным правом³. Таким образом, И. А. Покровский и в данном случае избегает поставить ясно научно-правовой вопрос о праве на существование. Это объясняется его чрезмерно высокой оценкой частноправового индивидуализма и его невниманием к индивидуализму публично-правовому. Совершенно правильно разграничивая частное и публичное право по признаку децентрализованности одного и централизованности другого, он преувеличивает централистический характер этого последнего, сопоставляя создаваемую им организацию даже с организацией военной. В действительности, однако, только в абсолютно-монархическом государстве существует такая безусловная противоположность между частным и публичным правом, поскольку первое децентрализовано, а второе централизовано. Напротив, в правовом государстве благодаря субъективным публичным правам она уже смягчается, а в государстве будущего она в значительной мере сгладится, на что справедливо указывает А. Менгер. Таким образом и современное публичное право постепенно проникается децентралистическими и индивидуалистическими элементами.

Заканчивая наш анализ исследований П. И. Новгородцева и И. А. Покровского о праве на достойное человеческое существование, мы должны признать, что, несмотря на стремление обоих авторов решить поставленный ими вопрос чисто юридически, им это не удалось, так как они не обратили достаточного внимания на проблему публичных субъективных прав. Чрезвычайно важно здесь отметить, что в нашей философско-правовой литературе Вл. С. Соловьевым дано логически последовательное решение того же вопроса с нравственной и религиозной точек зрения, Вл. С. Соловьев считает, что одно из условий, «при которых общественные отношения в области материального труда становятся нравственными», заключается в том, чтобы «каждому были обеспечены материальные средства к

¹ Ср.: Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. С. 48–59.

² Вопросы философии и психологии. Кн. 85. С. 503.

³ Правда, подходя к вопросу о праве на существование, он указывает, что возникающая здесь проблема «является, очевидно, не специальной проблемой гражданского права, а некоторой общей задачей всего нашего правового строя, и потому должна быть разрешена не такими или иными гражданско-правовыми паллиативами, а известными общими и принципиальными средствами» (Там же. С. 278). Но в начале этой главы он говорит, что «пределы гражданского права раздвигаются» и что «индивидуалистическая тенденция перебрасывается на смежные области публичного права: здесь также *начинают* говорить о субъективных публичных правах» (с. 270), а в конце ее он утверждает, что «будущее покажет, осуществимо ли право на существование при сохранении частноправовой организации народного хозяйства или нет» (с. 281). Подчеркнутое нами слово «начинают» показывает, как низко И. А. Покровский оценивает современные публично-правовые идеи. Оно не соответствует историческим датам развития публичного права. Ведь исследование Гербера о публичных правах появилось более шестидесяти лет тому назад, а с тех пор, как Г. Еллинек выработал свою систему субъективных публичных прав, скоро исполнится четверть столетия.

достойному существованию и развитию»¹. Эту же мысль он обосновывает и с точки зрения индивидуальной нравственности. По его словам, «всякий человек в силу безусловного значения личности имеет право на средства для достойного существования»². Истинный смысл этих суждений Вл. С. Соловьева раскрывается только при сопоставлении их с его определением государства, насыщенным представлениями о его нравственных задачах. Для него «государство есть собирательно-организованная жалость»³. Выводя из этого определения обязанности государства, он утверждает, что «экономическая задача государства, действующего по мотиву жалости, состоит в том, чтобы принудительно обеспечить каждому известную минимальную степень материального благосостояния как необходимое условие для достойного человеческого существования»⁴.

Здесь мы имеем типичный пример того, как применение совершенно непригодной для решения вопросов права точки зрения, именно точки зрения жалости и любви, приводит к обратным результатам, чем те, к которым стремятся авторы, применяющие эту точку зрения⁵. Ведь не подлежит сомнению, что то общество, члены которого должны рассчитывать на благодеяние и милость, будет основано на безнравственных принципах, так как в нем человеческая личность не будет внушать к себе уважения и обладать полным достоинством и ценностью. Цель социального развития не в том, чтобы все члены общества превратились в призреваемых, рассчитывающих на милосердие и благодеяние со стороны общества, а в том, чтобы никому не приходилось рассчитывать на благодеяние. Жалость не есть даже принцип нравственности, а лишь, как это выяснил сам Вл. С. Соловьев, один из тех иррациональных психических элементов, которые являются материалом для выработки нравственных принципов⁶. *Итак, не в силу чувства жалости, а в силу самой природы правовой организации в нормальном социальном строе каждому человеку должно быть гарантировано право на достойное человеческое существование, служащее основанием для целого ряда правовых притязаний личности.* Необходимо, чтобы всякий человек притязал; только тогда он будет и дерзать, т. е. будет свободным.

Чтобы закончить наше ознакомление с различными попытками теоретически обосновать расширение субъективных прав с целью выработать юридические начала для будущих социальных реформ, мы должны сказать еще несколько слов о двух из них: одной неудачной, несмотря на правильность ее исходных социально-научных принципов, другой, хотя и частичной, но сравнительно удачной при сомнительной правильности ее отправных социально-теоретических положений. Первая из этих попыток принадлежит теории солидаризма. Выше мы указали на то, что главная цель государства — осуществлять солидарные интересы своих граждан. С этой точки зрения, теория, выдвигающая принципы солидарности на первый план, несомненно, стоит на верном пути, так как она вскрывает и выясняет основной двигатель государственной жизни. Но, к сожалению, нельзя признать, чтобы разрабатываемые этим течением юридические идеи соответствовали запросам развивающейся социальной жизни. Инициатор этого движения Л. Буржуа предлагает распространить понятие юридических обязательств на отношения, не подчинявшиеся до сих пор правовому регулированию. Он думает, что по

¹ Соловьев Вл. С. Собрание сочинений. Т. VII (Оправдание добра). С. 358^{26*}.

² Там же. С. 366^{27*}.

³ Там же. С. 457^{28*}.

⁴ Там же. С. 470^{29*}.

⁵ Ср. выше, с. 149 и сл.

⁶ Ср. выше, с. 220.

аналогии с обязательствами, возникающими из так называемых мнимых деликтов и мнимых договоров, можно придать более юридический характер значительной части «социального долга», являющегося результатом многообразного сплетения всех современных экономических отношений и тесной взаимной связи между членами современного общества¹. Узкий частноправовой характер этих и им подобных юридических построений сразу бросается в глаза. Но для всякого должно быть ясно, что современные сложные и все усложняющиеся социальные проблемы могут быть решены только при помощи публично-правовых, а не частноправовых институтов. Только Л. Дюги, придерживающийся особых взглядов на солидарность и стоящий изолированно среди солидаристов, конструирует далеко идущие положительные обязанности государства по доставлению своим гражданам средств к достойному человеческому существованию². Однако эти обязанности он рассматривает лишь как проявление объективного права. Напротив, отстаивая своеобразные взгляды по некоторым вопросам общей теории права, а именно, относясь отрицательно к самому понятию субъективного права³, он отвергает те теоретические предпосылки, которые только и дают возможность обосновать во всей полноте систему субъективных публичных прав вообще и субъективно-публичное право на достойное человеческое существование в частности.

В противоположность этому в нашей литературе по частному вопросу о наиболее справедливой организации земельных отношений выдвинут совершенно правильный взгляд на необходимость расширить субъективные публичные права, В этом отношении особенно заслуживает внимания исследование В. Чернова «Социализация земли с юридической точки зрения»⁴. К сожалению, полемика этого автора с «буржуазной юриспруденцией», у которой он заимствует все свои юридические идеи, мешает ему установить правильные решения по всем частным вопросам даже в пределах узко поставленной им проблемы. К этому надо присоединить, что и социально-теоретические предпосылки, из которых исходит автор, не выдерживают научной критики, так как центральное место среди них занимает идея о катастрофическом характере социального развития.

Вышесказанное должно привести нас к заключению, что в государстве будущего каждому будет обеспечено достойное человеческое существование не в силу социального милосердия, приводящего к организации, аналогичной современному презрению бедных, а в силу присущих каждой личности прав человека и гражданина. В правовой организации этого государства самое важное значение будет иметь как признание публично-правового характера за правом на достойное человеческое существование и за всеми его разветвлениями, так и признание

¹ Bourgeois L. Solidarité. 6-me édit. Paris, 1907. P. 101 et suiv. Conf.: Brunot G. Etude sur la solidarité sociale comme principe des lois // Seances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1903. T. LX. P. 304-364; Bouglé C. Le Solidarisme. Paris, 1907. P. 65-103; La Solidarité sociale, ses formes, son principe, ses limites // Annales de l'institut international de sociologie. T. XII-XIII Paris, 1910/11; T. XIII. P. 199 et suiv. Ср. также: Жид Ш. История экономических учений. М., 1915. С. 347 и сл.; Спекторский Е. В. Теория солидарности // Юридический вестник. 1916. Кн. XIII. С. 12 и сл.

² Duguit L. Droit constitutionnel. Paris, 1907. P. 645 et suiv. (русск. пер. — М., 1908. С. 906 и сл.), Duguit L. Traité de droit constitutionnel. Paris, 1911. T. II. P. 158 et suiv.

³ Duguit L. L'Etat, le droit objectif et la loi positive. Paris, 1901. P. 160-183; Duguit L. Traité. T I P. 2, 19 et suiv., 261, 268 et suiv.

⁴ Чернов В. К вопросу о социализации земли. М., 1908. С. 17 и 64. Ср.: Чернов В. К аграрному вопросу (Что такое социализация земли) // Народный вестник. 1906. № 1-2, а также — Социализация земли. Сборник статей. М., 1907.

этих прав личными правами. Таким образом, государство этого типа только разовьет те юридические принципы, которые выработаны и установлены современным правовым государством¹. Это дает нам право сделать и более общее заключение относительно самой юридической природы этого государства. Не подлежит сомнению, что для осуществления своих новых задач государство будущего воспользуется теми же юридическими средствами, какие выработаны правовым государством. Большинство его учреждений будет создано по аналогии с учреждениями правового государства. Организованность и устранение анархии в общественном хозяйстве будут достигнуты в государстве будущего путем тех же правовых приемов, путем которых достигаются организованность и устранение анархии в правовой и политической жизни в государстве правовом. Две основы правового государства — субъективные публичные права и участие народа в законодательстве и управлении страной — будут вполне последовательно развиты и расширены. Расширение это произойдет не только в сфере чисто политических и государственных отношений, но и будет заключаться, что особенно важно, в распространении тех же принципов на область хозяйственных отношений, которые в правовом государстве подчинены лишь нормам гражданского права.

На основании всего изложенного мы должны признать, что *между современным правовым государством и тем государством, которое осуществит социальную справедливость, нет принципиальной и качественной разницы, а есть только разница в количестве и степени*. Современное правовое государство на заре своего возникновения на Европейском континенте в эпоху великой французской революции пыталось определенно включить в число своих задач обеспечение каждому своему гражданину достойного человеческого существования. Об этом можно заключить по тому, что декларация прав человека и гражданина второй французской конституции, выработанная в 1793 г., в числе других прав провозглашала и право на труд. Подобная же попытка принципиального закрепления за гражданами права на труд была произведена во Франции и в 1848 г. Неудачи этих попыток не могут служить свидетельством неспособности правового государства разрешать подобные задачи. Объясняются эти неудачи тем, что самые попытки имели чисто декларативный характер и не связывались с соответственными практическими мероприятиями.

Но современное государство, хотя и перестало включать в свои декларации этот вид прав, не отказывалось от разрешения социального вопроса, т. е. от создания тех материальных условий, при которых только и возможно осуществление этих прав. Своим новейшим социальным законодательством оно как бы разлагает одну большую цель — создание безусловно справедливого социального строя — на множество мелких и частных социально-экономических задач. Практическое средство, найденное для разрешения этих задач, заключается в различного рода страхованиях. В первую очередь вводится страхование для заболевших и потерпевших от несчастных случаев, затем для инвалидов и, наконец, для стариков. Страхует сперва не само государство, а учрежденные в силу изданных им законов и под его контролем публично-правовые союзы. Но постепенно участие государства в различного рода страхованиях становится все более активным; пока при страховании стариков государство естественно должно брать на себя наиболее ответственную роль. Во всяком случае все виды этого рода страхований имеют публично-правовой характер. Вместе с тем страхование это обосновывает субъективное право застрахованных лиц и, следовательно, оно принципиально отличается от призрения бедных. Застрахованное лицо не просит о вспомо-

¹ Ср.: Марков В. Личность в праве. СПб., 1907. С. 59.

ствовании, а притязает на причитающееся ему страховое вознаграждение. Таким образом, современное государство уже стало на путь признания за каждым права на существование. Но теперь все более и более настойчиво выдвигается и вопрос о страховании от безработицы; в очень узких пределах оно кое-где уже применяется. Вместе с постепенно подготовляемым широким проведением его в жизнь будет признано субъективно-публичное право на труд, а этим путем и будет сделан первый шаг к признанию за каждым права на достойное человеческое существование. Во всяком случае и в настоящее время если не право, то идея достойного человеческого существования может способствовать решению отдельных юридико-догматических вопросов, касающихся субъективных публичных прав. Выше мы видели, что Г. Еллинек не находил принципа, который позволял бы безошибочно разграничивать индивидуальный и общий интерес, т. е. он не считал возможным при помощи материального критерия всегда точно и отчетливо размежевывать сферы объективного и субъективного права¹. *Этот искомый принцип и есть достойное человеческое существование.*

Возвращаясь теперь к вопросу о различных типах государства, мы на основании сравнительного анализа этих типов, очевидно, должны признать, что *правовое государство является наиболее совершенным типом государственного бытия.* Оно создает те условия, при которых возможна гармония между общественным целым и личностью. Здесь государственная индивидуальность не подавляет индивидуальности отдельного лица. Напротив, *здесь в каждом человеке представлена и воплощена определенная культурная цель как нечто жизненное и личное.*